

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 10

ДВЕРЬ В ПОДВАЛ

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Дверь в подвал

<https://litres.ru/74098514>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он получил в наследство квартиру, в которой не был с детства. И ключ от подвала, где хранились вещи его исчезнувшей матери. Вместо старых чемоданов он нашёл альбом с фотографиями людей, которые когда-то жили в этом доме. Все они пропали без вести. Все они спускались в подвал. И больше не выходили.

Олег Сазонов не искал правду — она сама нашла его. Теперь каждый шаг по старому дому отзывается эхом прошлого, а за каждой дверью скрывается новая тайна. Кто-то знает, что случилось с теми людьми. Кто-то живёт в этом доме уже полвека и молчит. Кто-то готов убить, чтобы правда не вышла наружу.

Осталось только открыть последнюю дверь. Но готов ли он увидеть то, что за ней?

«ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ 1. ДОМ С ИСТОРИЕЙ	10
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дверь в подвал

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Ночь. 23 августа 1995 года.

Подвал дома №7 по улице Советской пах сыростью, старым деревом и чем-то сладковатым — то ли прогнившими коробками, то ли мышинными гнёздами. Свет от фонарика резал темноту жёлтым лезвием, вырывая из мрака бетонные стены с зелёными разводами, деревянные стеллажи, на которых стояли банки с соленьями, свёрнутые ковры, старые чемоданы.

Женщина спускалась медленно, касаясь рукой перил. Она знала этот подвал — каждый закоулок, каждую нишу. Двадцать три года она жила в этом доме, и каждый раз, когда нужны были вещи с хранения, она приходила сюда. Сейчас она уезжала — навсегда, в другой город, к другой жизни. Оставалось только забрать чемодан из кладовки, и больше она никогда не увидит этих стен.

Она не слышала, как за спиной скрипнула ступенька. Она услышала только шаги. Тяжёлые, уверенные, с металлическим призвуком — будто подошвы были подбиты железом.

Она обернулась. Фонарик метнулся вверх, выхватил пустую лестницу, перила, дверь на первом этаже. Никого. Только эхо шагов, которое уже затихало, впитываясь в бетон.

— Есть кто? — спросила она, и голос прозвучал глухо, придавленный низким потолком.

Никто не ответил.

Она хотела успокоиться, но сердце уже колотилось. Она сжала фонарик — пластиковый корпус хрустнул от напряжения. Двадцать три года в этом доме, и никогда она не боялась здесь. А сейчас — боялась.

Она двинулась дальше, но через несколько шагов свет захватил нечто, чего здесь точно не должно было быть.

Дверь.

Маленькая, не больше полутора метров в высоту, втиснутая между двумя кладовками. Она стояла там, где раньше была голая стена с торчавшей арматурой. Странно, но Ольга не помнила, чтобы когда-то видела её. Дверь была старая, из тёмного, почти чёрного дерева, с массивным амбарным замком — таким, какими запирали амбары в деревне, а не городские подвалы. Замок был ржавым, но скважина блестела — будто в неё недавно вставляли ключ.

Ольга подошла ближе. Пахло от двери не сыростью, а сухим деревом и железом. Она поднесла фонарик к поверхности и увидела надпись. Буквы были выцарапаны неровными линиями, словно старым гвоздём:

«Здесь ждут. Не открывай».

Она прочитала дважды. Рука снова потянулась к замку — неосознанно, будто кто-то другой управлял её пальцами. Она не думала о том, почему дверь появилась. Она не спрашивала себя, как долго она здесь стояла и кто оставил эти слова. Она просто хотела открыть. Посмотреть, что внутри.

Пальцы коснулись замка. Железо было холодным, почти ледяным. Скважина зияла чёрным провалом.

— Не надо, — сказал кто-то сзади.

Она вздрогнула и обернулась. Фонарик вырвал из тьмы фигуру. Человек стоял в трёх шагах — высокий, широкоплечий, в тёмной куртке. Лица не было видно — глубокий капюшон скрывал черты, только жёсткая линия челюсти.

— Кто вы? — спросила она, отступая к двери. — Что вы здесь делаете?

Человек не ответил. Он сделал шаг вперёд. Его рука вынырнула из кармана. В ней тускло блеснул металл.

Ольга хотела крикнуть, но не успела.

Шорох куртки. Короткий замах. Удар, от которого мир вспыхнул красным и тут же погас.

В подвале стало тихо. Только где-то в глубине капнула вода, и звук разлетелся сухим щелчком.

Человек стоял над телом. Его дыхание было ровным, без единой дрожи. Он опустился на корточки, взял фонарик, выключил. На секунду подвал погрузился в абсолютную тьму — такую густую, что казалось, её можно резать.

Затем раздался щелчок. Луч света, теперь уже чужой, скользнул по стенам, по двери, по остывающему телу, по старому чемодану, который Ольга оставила у стены. Человек поднял его, поставил там же, где он лежал. Открыл на мгновение, заглянул внутрь — в чемодане лежали платья, бумаги, детский рисунок, аккуратно сложенный пополам. Он закрыл

его, не взяв ничего.

Потом он подошёл к маленькой двери. В его руке появился ключ. Длинный, с круглой головкой, с выбитым номером «7». Он вставил его в замок. Повернул. Механизм внутри лязгнул с тяжёлым, глубоким звуком, как у сейфа.

Дверь приоткрылась. За ней была не кладовка. За ней была тьма, из которой пахло сухой землёй и чем-то металлическим.

Человек шагнул внутрь. И прежде чем закрыть дверь за собой, он выключил фонарик.

Свет погас.

Подвал снова стал чёрным.

Только старый чемодан остался у стены, и маленькая дверь теперь была заперта — с той стороны, куда ушёл человек.

На бетонном полу, в паре сантиметров от руки Ольги, лежал ключ. Такой же, как у незнакомца, но с номером «5».

Прошло несколько секунд. Или минут. Или часов. Время потеряло смысл.

Из-за двери послышался шорох. Словно кто-то двигался там, в темноте, наощупь. Затем — скрежет. Металл о металл. Это возвращался тот, кто ушёл? Или кто-то другой?

Раздался щелчок. С той стороны двери вставили ключ в замок. Повернули. Дверь приоткрылась на пару сантиметров — и тут же захлопнулась.

Сквозь тишину, сквозь запах сырости и железа, сквозь бе-

тон и дерево послышался шёпот. Женский. Ольгин. Или не совсем Ольгин.

— Олег... — прошелестел голос. — Не ищи меня...

И замолк.

ЧАСТЬ 1. ДОМ С ИСТОРИЕЙ

Глава 1

Ключ не хотел входить в замок.

Олег Сазонов стоял на лестничной площадке пятого этажа старого пятиэтажного дома, сжимая в пальцах тяжёлый кусок металла, и чувствовал себя чужим. Коридор пах сыростью, старой краской и чем-то ещё — вьёвшимся запахом чужих жизней, которые прожили здесь до него. Пол под ногами был щербатым, с выщерблинами, которые собирали грязь. Стены — выкрашенные в бледно-зелёный, тот самый советский цвет, который был на всех лестницах его детства.

Он почти не помнил это место. Восемь лет, которые он прожил здесь, стёрлись из памяти, оставив только пятна: тёплые руки матери, запах борща, свет лампы над кухонным столом. А потом — ничего. Пустота. Ему было десять, когда мать исчезла. Официально она «выехала на новое место жительства». Неофициально — никто не знал, что с ней стало.

Отец умер раньше. Олега отправили к тётке в другой город. Дом №7 стал воспоминанием, которое он не хотел тревожить.

Но два месяца назад пришло письмо от нотариуса. Квартира переходила ему по наследству. Олегу было тридцать

пять, у него была работа, своя квартира, своя жизнь. Он мог отказаться. Но он не отказался.

Он сунул ключ ещё раз. Замок щёлкнул.

Дверь открылась с протяжным скрипом, который прокатился по пустой квартире эхом. Олег переступил порог.

Тишина. Густая, как старая пыль. Квартира выглядела так, будто её готовили к приезду гостя — полы были вымыты, на подоконниках не было пыли. На кухне стояла тарелка, на столе — ваза с сухими цветами. Кто-то убирался здесь недавно. Олег обернулся к двери — она была закрыта, но щеколда висела на одном гвозде. Может, кто-то заходил через неё.

Он прошёл в комнату. Мебель была старой, но ухоженной — шкаф с резными дверцами, кровать с панцирной сеткой, письменный стол у окна. На столе лежал белый конверт. Единственное яркое пятно в этой комнате, где всё было приглушённым, серым, выцветшим.

На конверте было выведено аккуратным, твёрдым почерком: «Олегу».

Олег взял его. Бумага была плотной, с водяными знаками. Он надорвал край, достал содержимое. Два предмета: ключ и записка.

Ключ был старым, длинным, с массивной круглой головкой, на которой была выбита цифра «5». Тяжёлый, как от сейфа. Олег повертел его в пальцах и понял — это не от входной двери. Замок был другой, крупнее.

Он развернул записку. Почерк был незнакомым — твёрдый, мужской или очень волевой женский, с прямыми, почти печатными буквами.

«Твоя мать оставила тебе больше, чем квартиру. Она хотела, чтобы ты знал правду. Начинай с чемодана. З.П.»

З.П. Зинаида Петровна? Он помнил эту фамилию — старшая по дому, женщина, которая всегда носила тёмные платки и никогда не улыбалась. Она жила на четвёртом этаже. Олег смутно помнил её лицо — острое, с глубокими морщинами, и глаза, которые смотрели сквозь, будто видели то, что скрыто.

Он сжал ключ в ладони. Что за чемодан? Где он?

Он осмотрел комнату. Никакого чемодана. Прошёл на кухню — пусто. В прихожей — старая вешалка, коврик, тумбочка. Он открыл шкаф — пусто. И вдруг вспомнил: подвал. Ключ от подвала.

Он вышел на лестницу и спустился на первый этаж. Там, где заканчивались ступеньки, была металлическая дверь, выкрашенная в серый цвет. Рядом с ней висела табличка с номерами кладовок. Квартира №5 — кладовка №3.

Олег вставил ключ в замок. Тот подошёл идеально — с глухим металлическим щелчком, от которого по спине пробежал холодок. Он толкнул дверь. Она открылась медленно, с низким скрипом, и в лицо пахнуло сыростью — запахом бетона и плесени, который он помнил из детства.

Он шагнул внутрь. Лестница уходила вниз. Света не бы-

ло — только тусклая лампочка под потолком, которая горела вполнакала, отбрасывая дрожащий оранжевый круг. Он включил фонарик на телефоне.

Подвал был длинным и узким, с рядом деревянных дверей по обе стороны. Кирпичные стены были покрыты паутиной, на полу — следы грязи. Где-то капала вода. Олег пошёл вперёд, считая цифры. Кладовка №1, №2, №3.

Он остановился перед дверью №3. Она была заперта на навесной замок — старый, ржавый. Олег сунул ключ — подошёл. Замок открылся с сухим лязгом.

Дверь скрипнула. Внутри было темно. Олег осветил фонариком.

И замер.

У дальней стены стоял чемодан. Старый, коричневый, с потёртой кожей и тусклыми металлическими уголками. Он выглядел так, будто пролежал здесь десятилетия. Но на боку, аккуратными белыми буквами, было написано:

«Олегу. Прости».

Сердце забило быстрее. Он опустился на корточки и провёл пальцами по коже — она была сухой, тёплой, будто кто-то оставил её здесь совсем недавно. Замки на чемодане не были заперты. Олег открыл крышку.

Внутри лежали женские вещи — платья, кофты, туфли. Всё старое, из 90-х, но аккуратно сложенное. Олег перебирал их, искал что-то, что объяснило бы записку. На дне он нашёл тетрадь в клеёнчатой обложке, старую, с потёртыми углами.

И альбом. Коричневый, с тиснёной надписью «Фото. 1980–1995».

Олег открыл альбом. Первая страница — фотография. Молодая женщина с каштановыми волосами, улыбающаяся, стоит у подъезда. Света. Его мать. Подпись: «Света, 1980».

Он долго смотрел на неё. Она выглядела счастливой — такой, какой он никогда её не помнил. Он перевернул страницу.

Фотографии десятка незнакомых людей: мужчины и женщины, молодые и старые, улыбающиеся и серьёзные. Некоторые были подписаны, другие — нет. Олег всматривался в лица, пытаясь понять, кто они. Соседи? Друзья матери?

Но одна фотография заставила его замереть.

На ней был его отец. Михаил Сазонов. Молодой, серьёзный, в светлой рубашке, стоит у того же подъезда. Подпись: «Миша, 1982. Последний».

Олег не знал, что отец жил в этом доме до встречи с матерью. Он смотрел на фото и не мог отвести взгляда. И вдруг заметил на заднем плане — за спиной отца — дверь. Ту самую дверь в подвал. На ней, на ржавом металле, была выцарапана надпись. Он не мог разобрать буквы, но она была.

Он перевернул фотографию. На обороте, мелким материнским почерком, было приписано: «Миша видел её. Он ушёл и не вернулся».

Глава 2

Олег сидел на полу пустой комнаты, и вокруг него, как разорванные страницы чужой жизни, лежали вещи из чемодана. Платья из плотного, но уже выцветшего ситца, кофты с кружевными воротничками, туфли на низком каблуке — всё это пахло нафталином и временем. Он перебирал их медленно, боясь что-то пропустить, словно каждая деталь могла стать ключом к тому, что случилось с матерью. Среди платьев он нашёл тетради — три штуки, в клеёнчатых обложках, с пожелтевшими страницами. Он открыл первую — почерк матери, ровный и аккуратный: списки продуктов, рецепты, заметки о погоде. Ничего важного. Вторая — адреса и телефоны, многие перечёркнуты. Третья — рисунки. Детские, неловкие, нарисованные карандашом и фломастерами: дом, дерево, солнце, человечек с большими глазами. Олег не помнил их. Он не помнил, что рисовал вообще.

Он взял альбом. Коричневый, с потёртыми уголками и металлическими зажимами. Первая страница — мать. Молодая, с каштановыми волосами, заплетёнными в косу. Она улыбалась, прищурившись от солнца, и стояла у того самого подъезда. Подпись, сделанная той же рукой, что и на обороте: «Света, 1980». Олег смотрел на неё долго, вглядываясь в знакомые черты, которые он почти забыл. Она выглядела счастливой. Он не помнил её такой.

Дальше — лица. Мужчины и женщины, молодые и пожилые. Кто-то улыбался, кто-то смотрел серьёзно, кто-то стоял у подъезда, кто-то — у своих дверей. Подписи были краткими: «Анна, 1966», «Сергей, 1970», «Ирина, 1975». Олег листал дальше, и его пальцы замедлились, когда он увидел знакомые черты. Он узнал их мгновенно, хотя прошло больше двадцати лет. Молодой мужчина, чуть старше его, с прямым взглядом и лёгкой улыбкой. Стоял у того же подъезда, опершись плечом о косяк. Светлая рубашка, тёмные волосы, высокий лоб. Олег смотрел на него, и в горле пересохло.

Михаил Сазонов. Его отец.

Он перечитал подпись: «Миша, 1982. Последний». Последний. Что это значило? Последний раз, когда его видели? Последнее фото? Он не знал. Он вообще не знал, что отец жил в этом доме до того, как встретил мать. Ему всегда говорили, что отец приехал из другого города, что он был командированным, что они встретились случайно. Но здесь, на этой фотографии, он стоял у подъезда №7 как свой, как тот, кто жил здесь.

Олег перевернул фотографию. На обороте — почерк матери, мелкий и ровный: «Миша видел её. Он ушёл и не вернулся». Сердце забило быстрее. Он снова перевернул снимок, вглядываясь в детали. Качество было плохое — плёнка старой камеры, нечёткие тени. Но он заметил то, что не увидел сразу. На заднем плане, за спиной отца, была дверь. Та самая дверь, которую он только что открыл ключом №5.

Металлическая, выкрашенная серым, с массивным амбарным замком. И на ней, на ржавом железе, была выцарапана надпись. Олег приблизил фото, но буквы расплывались — слишком мелко, слишком небрежно. Он не мог разобрать, но сердце уже колотилось где-то в горле, отдаваясь глухим стуком.

Что видел отец? Куда ушёл? И почему не вернулся?

Олег отложил фото и провёл рукой по лицу. В голове шумело. Он попытался собраться, привести мысли в порядок. Но вместо этого его взгляд упал на записку — ту самую, из конверта. «Твоя мать оставила тебе больше, чем квартиру. Она хотела, чтобы ты знал правду. Начинай с чемодана. З.П.» З.П. Зинаида Петровна.

Он поднял телефон и набрал номер нотариуса, который вёл наследство. Трубку взяли после третьего гудка — женский голос, деловой и отстранённый.

— Олег Сазонов, — представился он. — Я получил наследство по квартире №5 в доме №7. Мне нужно узнать, кто оставлял записку и ключи.

— Зинаида Петровна Кострикова, — ответила нотариус без запинки. — Она старшая по дому и хранительница ключей от подвала. Она передала все документы по наследству. Я могу дать вам её адрес и контактный телефон.

Олег записал. Зинаида Петровна жила на четвёртом этаже, квартира №9. Он положил телефон и посмотрел на дверь. Выходить не хотелось. Но он знал, что должен.

Он сунул альбом в рюкзак, поднялся и вышел из квартиры. Лестница была тихой — никого. Только старая лампочка на площадке мигала, отбрасывая неровный свет. Он поднялся на этаж выше и остановился у двери с потёртой табличкой «Квартира №9».

Он постучал. Долго никто не отвечал. Затем — шаркающие шаги. Цепочка звякнула, дверь приоткрылась на пару сантиметров, и в щель глянул жёсткий, цепкий глаз.

— Кто там? — спросил старческий, но твёрдый голос.

— Зинаида Петровна? — переспросил Олег. — Я Олег Сазонов. Сын Светланы Сазоновой.

Дверь замерла. Глаз смотрел на него долго, вглядываясь, будто сканируя каждую деталь. Затем послышался звук снимаемой цепочки. Дверь открылась полностью.

Зинаида Петровна была высокой, костистой, с седыми, зачёсанными назад волосами и глубокими морщинами, которые пересекали лицо, как трещины на старой карте. Глаза у неё были светлыми, почти прозрачными, и они смотрели так, будто видели больше, чем могли сказать. Она молчала несколько секунд, изучая Олега. Потом кивнула, будто подтверждая что-то себе.

— Проходи, — сказала она коротко.

Олег шагнул внутрь. Квартира пахла сухими травами и старым деревом. В прихожей было тесно — вешалка, коврик, ряд крючков на стене. Зинаида Петровна провела его в комнату, где стоял большой стол, заваленный бумагами, и плю-

шевое кресло с вытертыми подлокотниками. Олег сел, она опустилась напротив, на старый стул, и уставилась на него своим пронизательным взглядом.

— Ты нашёл чемодан? — спросила она.

— Да, — ответил Олег. — И альбом. И записку. Вы написали её?

Зинаида Петровна кивнула.

— Твоя мать просила меня отдать его тебе, когда ты вернёшься. Она знала, что ты вернёшься. Она ждала.

— Знала? — переспросил Олег. — Она что, знала, что пропадёт?

Зинаида Петровна замолчала. Её глаза стали ещё более пронизательными, будто она взвешивала, что сказать.

— Она знала, что её не будет, — наконец произнесла она. — Когда она уходила, она сказала: «Если я не вернусь, отдай Олегу чемодан. Там всё, что он должен узнать». Но я не знаю, что там. Я не смотрела. Я сдержала обещание и передала его тебе.

Олег вытащил альбом и открыл на странице с фотографией отца.

— Кто эти люди? — спросил он, указывая на другие лица. — Я пытаюсь понять, почему они здесь. Это соседи? Друзья?

Зинаида Петровна взглянула на альбом. Её лицо осталось непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то — страх или печаль. Она покачала головой.

— Жильцы. Многие уехали. Давно. Я не помню всех. Это

было слишком давно.

Олег показал фото отца. Зинаида Петровна посмотрела на него, и на секунду её лицо изменилось — побелело, будто она увидела призрака.

— Он не жил здесь, — сказала она тихо. — Он был гостем. Один раз. Больше не возвращался.

— Он видел что-то в подвале, — настаивал Олег. — Мать написала: «Миша видел её». Что она имела в виду?

Зинаида Петровна подняла на него глаза. В них была сталь.

— Я не знаю, — сказала она. — И тебе не советую искать. Некоторые двери лучше не открывать.

Она встала, давая понять, что разговор окончен. Олег вышел в коридор, и когда он уже взялся за ручку входной двери, он услышал за спиной шорох.

Он обернулся. Зинаида Петровна стояла в дверях комнаты и смотрела на него. А затем, тихо, почти беззвучно, она закрыла дверь. Он услышал щелчок цепочки.

Олег постоял секунду, затем начал спускаться по лестнице. Ему нужно было вернуться в квартиру, собраться с мыслями. Но на площадке первого этажа он заметил, что дверь в подвал приоткрыта. Он не оставлял её открытой. Он заглянул внутрь — темнота, запах сырости. Никого.

Он вернулся в квартиру, закрылся и снова открыл альбом. На этот раз он пролистал все страницы до конца. И на предпоследней нашёл фотографию, от которой у него перехвати-

ло дыхание.

Мать. Светлана Сазонова, в том же платье, что и на первой странице, но старше — лет на десять. Она стояла у той самой двери в подвал. Серой, металлической, с массивным замком. На обороте была подпись: «Света, 1995. Последняя».

Олег смотрел на фото и не мог отвести взгляд. Мать пропала в 1995 году. Восемьдесят пятый год — исчезновение отца. Десять лет спустя — она. Что объединяло их? Дверь в подвал. Та самая дверь, которую он открыл сегодня.

Он перевернул снимок и заметил в нижнем углу ещё одну запись. Мелкую, почти неразборчивую: «Она всё ещё там. Ждёт.»

Он почувствовал, как по спине пробежал холод. Где-то в глубине дома, в том самом подвале, кто-то ждал. Или что-то. И мать знала об этом.

Глава 3

Олег не спал всю ночь. Он сидел на кухне пустой квартиры, и единственным источником света был экран телефона, на котором он раз за разом просматривал фотографию матери у подвальной двери. Она смотрела в объектив с той же улыбкой, что и на первом снимке, но Олег видел разницу. Глаза. Они были другими — в них больше не было беззаботности. В них была усталость, тревога и что-то ещё, чему он не мог подобрать названия. Только когда небо за окном начало светлеть, он отложил телефон и закрыл глаза, но сон не приходил. Где-то в груди засела тупая боль — смесь страха и любопытства, которая не давала расслабиться.

Утром он умылся холодной водой, натянул старую куртку и вышел на лестницу. Пахло утренней сыростью — кто-то уже мыл полы в подъезде. Олег поднялся на четвёртый этаж и остановился у двери Зинаиды Петровны. Постучал.

Цепочка звякнула. Глаз, вчерашний, внимательный и колючий, выглянул в щель на мгновение, и тут же дверь приоткрылась шире. Зинаида Петровна стояла на пороге, высокая, прямая, как ветка старого дерева. Сегодня она была в тёмном платье с глухим воротом, и её седые волосы были заколоты в строгий пучок. Она кивнула, пропуская его внутрь, и жестом указала на кухню.

Олег прошёл за ней. В квартире пахло сухим зверобоем

— пучки висели на стене у самого потолка. Заварной чайник на газовой плите шипел, выпуская пар. Зинаида Петровна разлила чай в кружки — простые, белые, с потёртым ободком. Она села напротив Олега и снова посмотрела на него тем же внимательным взглядом, будто всё ещё решала, можно ли ему доверять.

— Ты пришёл с вопросами, — сказала она, не спрашивая, утверждая.

— Да, — ответил Олег. — Вы написали записку. «Твоя мать оставила тебе больше, чем квартиру». Что это значит?

Зинаида Петровна отпила чай, не торопясь. Поставила кружку на стол.

— Я хранила чемодан двадцать пять лет. Твоя мать просила отдать его, когда ты вернёшься. Она сказала: «Если я не смогу, передай ему». Я не знаю, что там, — она посмотрела на Олега поверх кружки. — Я не смотрела. Я дала слово и не нарушила.

— Но вы знали, что она пропадёт? — спросил Олег.

Зинаида Петровна задержала взгляд на нём слишком долго. Потом покачала головой.

— Я знала, что она уходит. В тот день, 23 августа 1995 года, она пришла ко мне. Была спокойной. Сказала: «Зинаида Петровна, я уезжаю. Я могу не вернуться. Если я не вернусь, отдайте Олегу чемодан». Я спросила, почему она уезжает. Она ответила: «Я должна прекратить это». И ушла.

— Прекратить что? — спросил Олег, и голос его дрогнул.

Зинаида Петровна замолчала. В кухне было тихо — только часы на стене тикали глухо, как сердце.

— Твоя мать была добрая, — наконец сказала она. — Она всегда пыталась помочь. Но есть вещи, которые не исправить. Она хотела остановить то, что началось раньше неё.

Олег достал альбом, открыл на первой странице.

— Кто эти люди? — спросил он. — Вы говорили, что жильцы. Но я проверил — никто из них не живёт в этом доме. Куда они уехали?

Зинаида Петровна посмотрела на фотографии. Её лицо оставалось бесстрастным, но пальцы на кружке побелели от напряжения.

— Многие уехали. Давно. Я не помню их всех. Это было слишком давно.

— Но вы помните моего отца, — сказал Олег и перевернул страницу. — Вы знаете его. Вы говорили, что он был гостем.

Он показал фотографию Михаила Сазонова, молодого, с прямой спиной и спокойным взглядом. Зинаида Петровна посмотрела на снимок, и её лицо изменилось. Она побледнела так быстро, что Олег заметил это сразу. Губы сжались. На несколько секунд в комнате повисла тишина, такая плотная, что слышно было, как где-то на лестнице хлопнула дверь.

— Он не жил здесь, — выдавила она наконец. — Он был гостем. Пришёл один раз. Ушёл. Больше не возвращался.

— Что он видел в подвале? — спросил Олег. — Мать на-

писала: «Миша видел её». Это здесь, — он показал обороте.

Зинаида Петровна подняла на него глаза. В них была сталь, но в глубине — страх. Она покачала головой.

— Я не знаю. Я не была там. И тебе не советую искать.

— Вы знаете, — сказал Олег. — Вы знаете, что там.

Зинаида Петровна встала из-за стола. Её руки дрожали, но голос был твёрдым.

— Я сказала всё, что могла. Теперь иди. Я устала.

Олег не стал спорить. Он поднялся, положил альбом обратно в рюкзак. У порога он обернулся.

— Если вы вспомните что-то ещё, дайте знать. Я живу в той же квартире.

Зинаида Петровна ничего не ответила. Она стояла у кухонной двери, прямая, как изваяние, и смотрела в пол.

Олег вышел на лестницу. Дверь за ним закрылась — мягко, почти бесшумно, но он слышал, как щёлкнул замок и звякнула цепочка.

Он постоял секунду на площадке, потом начал спускаться. И на втором этаже услышал звук из квартиры Зинаиды Петровны — телефонный звонок. Короткий, с переливом, как у старых дисковых аппаратов. Кто-то снял трубку. Голос, приглушённый стеной, но различимый:

— Он здесь. Сын Светы. У него альбом. Что делать?

Олег замер. Шагов не было слышно — он стоял неподвижно, прислушиваясь. Тишина. Затем голос в трубке, далёкий, искажённый старой связью, но чёткий.

— Ничего. Я сам позвоню ему.

Короткие гудки. Телефон положили.

Олег выдохнул, сам не заметив, что не дышал всё это время. Кто был на том конце? Кто звонит ей с этого телефона в семь утра? И как они знают о нём?

Он быстро спустился в свою квартиру, закрылся изнутри и сел на пол, прижав рюкзак к груди. Альбом лежал внутри, тяжёлый, как свидетельство. Он знал теперь точно: Зинаида Петровна говорила не всё. Она боялась. И тот, кто позвонит ему, — этот человек знал мать. Знал отца. Знал, что Олег здесь. И знал, что альбом теперь у него.

Он снова открыл альбом на странице с отцом. Он смотрел на дверь на заднем плане — серую, с амбарным замком, с выцарапанной надписью, которую он до сих пор не мог разобрать.

Но теперь он знал одно: он найдёт того, кто позвонит. Или тот сам найдёт его.

Глава 4

Олег заставил себя работать. Он открыл ноутбук, развернул рабочие файлы — проект по редизайну сайта для сети кофеен. Клиент ждал макет уже три дня, и Олег пообещал сдать его к вечеру. Он набросал сетку, расставил блоки, подобрал шрифты. Пальцы двигались по клавиатуре автоматически, но мозг был далеко — там, в коричневом альбоме с потёртыми уголками.

Он проработал около часа, затем сдался. Закрыв ноутбук, отодвинул его в сторону и снова достал альбом. Фотографии смотрели на него с пожелтевших страниц — двадцать четыре лица, двадцать четыре истории, которые закончились здесь. Олег перелистнул на имя, которое запомнил: Анна Алёхина, 1965 года рождения. Снимок был сделан у подъезда — женщина в светлом платье, с тёмными волосами, улыбается в объектив. На обороте подпись: «Анна, 1986. Лето».

Олег открыл браузер. Нашёл базу данных пропавших без вести — государственный портал, куда вносили информацию по заявлениям родственников. Он ввёл: «Алёхина Анна Михайловна, 1965».

Результат появился через секунду. Анна Алёхина, пропала без вести в 1986 году. Последнее место жительства — дом №7, улица Советская. Причина обращения: родственники сообщили об исчезновении. Дело закрыто за отсутствием

улик.

Олег перечитал дважды. Сердце забилося быстрее. Он вернулся к альбому, нашёл следующее имя: Белов Сергей Петрович, 1967. Фотография — мужчина с открытым лицом, в рубашке с коротким рукавом, стоит у того же подъезда. Он ввёл имя. Результат: Сергей Белов, пропал без вести в 1988 году. Последний адрес — дом №7, улица Советская.

Он проверил третье имя. Ирина Соколова, 1971. Пропала в 1977. Тот же адрес.

Четвёртое. Пятое. Шестое.

Каждое имя, которое он видел в альбоме, появлялось в базе. Все они числились пропавшими без вести. Все жили в этом доме. Все исчезли в период с 1965 по 1989 год. Олег листал альбом и вводил имена одно за другим. Двадцать четыре человека. Все ушли. Все — из подъезда №7.

Он откинулся на стул. Руки дрожали. Двадцать четыре человека исчезли, и их имена были в альбоме его матери. Почему у неё были эти фотографии? Она знала их всех? Собирала их? Или что-то другое — более страшное?

Олег снова взял альбом и пролистал до конца. Последняя страница, которую он видел вчера, но тогда не придал значения. Фотография матери. Светлана Сазонова, 1995 год. Она стояла у той самой двери в подвал — серой, с массивным замком, с выцарапанной надписью. На ней было то же платье, что и на первом снимке, но лицо было другим. Она не улыбалась. Она смотрела в объектив серьёзно, почти строго.

На обороте подпись, сделанная её рукой: «Света, 1995. Последняя».

Олег перевернул фотографию и заглянул в базу данных. Он ввёл: «Сазонова Светлана Викторовна, 1968».

Результат появился, но Олег не поверил своим глазам. Запись была: «Сазонова Светлана Викторовна, 1968 г.р. — выехала на новое место жительства в 1995 году. Дело закрыто. Причина: отсутствие состава преступления.»

Он перечитал три раза. Не пропала. Не числится в списке пропавших без вести. Выехала. Новое место жительства. Как будто она просто взяла и уехала. Но Олег знал: она не уезжала. Он ждал её, ждал годами. Её вещи остались здесь. Чемодан остался здесь. Она бы не оставила его, если бы уезжала добровольно.

Он смотрел на экран и чувствовал, как внутри закипает ярость. Почему её дело закрыли? Почему для неё — отдельное решение, а для остальных двадцати четырёх — нет? Кто принял это решение?

Он вернулся к альбому и пролистал до самого конца. Там была ещё одна страница — пустая, без фотографий. Но на ней, мелким материнским почерком, было написано:

«Олег, если ты читаешь это — ты уже знаешь слишком много. Я должна была рассказать тебе раньше. Я не смогла. Прости. Я уйду, чтобы защитить тебя. Не ищи меня. И не открывай ту дверь. Там только смерть.»

Олег сидел и смотрел на эти слова. Мать знала, что он най-

дёт альбом. Она знала, что он будет искать. Она предупредила его. Но она не сказала главного: почему двадцать четыре человека исчезли, и почему она ушла.

Он закрыл альбом и посмотрел на ключ, который лежал на столе — тот самый, от подвала. Цифра «5» на головке блестела в свете лампы.

Он сжал его в кулаке и почувствовал холод.

Где-то там, в подвале, за дверью, которую он ещё не открыл, была правда. И он собирался найти её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.